

Глава 40. Побег

Снегопад, бушевавший всю ночь, к утру наконец утих. Над горизонтом поднялось жаркое солнце, и его лучи рассыпались мириадами искр по девственно-белому насту. Снег на ветвях деревьев и карнизах крыш начал подтаивать; вода стекала каплями, застывая на лету и превращаясь в причудливое кружево сосулек, которые прозрачными призмами преломляли утренний свет.

Тишину нарушил нарастающий рокот мощного мотора.

Старый серо-черный мотоцикл лихо заложил вираж перед небольшим отелем, прорезав снежную кашу и оставив на дороге эффектную дугу. Из-под бешено вращающегося заднего колеса брызнула ледяная крошка. Мужчина в черных кожаных штанах уверенно поставил ногу в грязном сапоге на землю. Сняв шлем, он явил миру зрелое, мужественное лицо с восточными чертами.

Взгляд Ли Цзяньчуаня оставался холодным и пронизательным. На его подбородке виднелись две свежие кровавые царапины, придававшие его облику налет дикой, необузданной опасности.

Стрелки часов приближались к десяти утра. Городок просыпался, лавки открывали свои двери, но из-за плохих дорог прохожих было немного. Ли Цзяньчуань внимательно осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, он припарковал байк, подхватил пакет с горячим завтраком и решительным шагом вошел в здание.

Игнорируя навязчивое гостеприимство администраторши, Ли поднялся по бетонной лестнице на второй этаж и отпер дверь комнаты в самом конце коридора.

Помещение было крошечным. Сразу за порогом начиналась кровать, пара шагов в сторону — и вот уже дверь в тесный санузел. Единственное окно выходило на улицу, но плотные шторы были задернуты наглухо, пропуская лишь приглушенное сияние утра. Снаружи доносился нестройный шум просыпающегося города.

Это был небольшой городок в горах на севере Калифорнии. Рядом располагался горнолыжный курорт — редкое место в штате, где можно было спастись от круглогодичного зноя, поэтому зимой здесь всегда хватало туристов, а дешевые мотели росли как грибы после дождя.

Когда Ли Цзяньчуань сбежал из лаборатории, у него не было за душой ни цента. Поэтому сегодня на рассвете ему пришлось оставить грузовик того фермера, перехватить на трассе банду байкеров и весьма бесцеремонно облегчить карманы этих мелких хулиганов. С помощью случайного человека он отправил машину обратно владельцу, а сам сделал приличный крюк на мотоцикле, чтобы убедиться в отсутствии хвоста. Только после этого, прихватив с собой пачку наличных и Нин Чжуня, он заселился в это захолустье.

Отель был из тех, где не спрашивают документов. Здесь останавливались все подряд, и большинство постояльцев выглядели сомнительно, но мрачный Ли Цзяньчуань казался куда более опасным, чем любой из них. Обстановка комнаты давно обветшала: старая проводка, плесень в углах, облупившаяся краска на стенах и узкая кровать с пожелтевшими от времени простынями.

Нин Чжунь лежал на постели с закрытыми глазами, все еще пребывая в глубоком забытии.

Ли захлопнул дверь, зажег свет и, опустившись на край кровати, похлопал доктора по щеке:

— Вставай. Умывайся, чисти зубы — пора есть.

«Лисьи» глаза открылись медленно и беззвучно.

— Ты знал, что я уже не сплю...

Ли Цзяньчуань выложил на стол гамбургеры и молоко.

— Ты пришел в себя, еще когда мы вылезали из грузовика, — бросил он буднично.

Нин Чжунь поднялся. Под его весом деревянный каркас кровати жалобно заскрипел. Он привалился к спине Ли, уткнувшись подбородком в его плечо, и тихо спросил:

— Не боишься, что я сбегу?

Ли Цзяньчуань покосился на него, губы его тронула холодная усмешка:

— Уйти сейчас — значит бросить союзника в беде. Ты не из тех, кто так глупо распоряжается ресурсами.

Нин Чжунь не стал спорить.

Еще там, в лесу, во время безумного бега сквозь чащу, Ли Цзяньчуань начал догадываться: то, что Нин Чжунь снял с него цепи и позволял свободно перемещаться по этажу, не было жестом безграничного доверия. Это был расчет. Нин Чжунь хотел использовать его силу, чтобы самому вырваться из лаборатории. Именно поэтому Ли так легко обходил системы мониторинга и не сталкивался с вооруженной охраной — Нин Чжунь незримо расчищал им путь.

Понимая это, Ли Цзяньчуань и пошел на риск, решив забрать доктора с собой. Они оба вели свою игру, не нуждаясь в лишних словах. Тот факт, что им удалось сбежать, подтверждал теорию Ли: отношения между лабораторией «God» и Нин Чжуном были далеки от тех, что

описывались в досье. Это явно не было простым подчинением.

Нин Чжунь обхватил Ли за талию со спины. Ли Цзяньчуань, не оборачиваясь, дотащил его до ванной и сунул в руку щетку с уже выдавленной пастой.

— Ешь, потом ложись спать. Уезжаем ночью.

Расправившись с гамбургером в несколько укусов, Ли скинул обувь и куртку, откинулся на спинку кровати и лениво вытянул ноги. Когда Нин Чжунь закончил умываться, Ли протянул ему еще теплое молоко. Доктор молча выпил его, съел хот-дог и забрался на кровать. Ли Цзяньчуань, при своем росте почти в метр девяносто, занимал практически все место, так что уютиться им приходилось вплотную.

— Хочу в душ, — пробормотал Нин Чжунь, придвигаясь ближе. Его лодыжка коснулась руки Ли, обдав ее холодом.

— Позже, — отозвался тот.

Ли Цзяньчуань обхватил его за тонкую лодыжку, притянул к себе и заставил сесть сверху. Нин Чжунь был удивительно легким. Он расслабился, навалившись всем весом на крепкие мышцы Ли; сквозь тонкую ткань свитера передавалась его прохлада, пахнувшая талым снегом.

— Что такое? — Нин Чжунь небрежно обнял его за шею, в уголках его глаз заплясали искры.

Ли Цзяньчуань смотрел на эти бледные, мягкие губы, и в горле у него внезапно пересохло от острого желания. Он сжал ладони на его узкой талии, притянул Нин Чжуна ближе и, подавшись вперед, коснулся его рта.

Всего лишь легкое касание.

Он почувствовал, как спина Нин Чжуна в мгновение ока натянулась струной. В «лисыих» глазах промелькнуло нечто неопишваемое, он замер, не отрывая взгляда от Ли. Ли Цзяньчуань смотрел в ответ, чувствуя, как дыхание становится прерывистым.

Удерживая его за пояс, Ли прижал Нин Чжуна к себе и снова поцеловал. На этот раз это не было осторожной пробой. Ли Цзяньчуань жадно смял его холодные и податливые губы, давая волю бушующему в груди пламени. Не находя иного выхода для этой яростной нежности, он неистово целовал Нин Чжуна, словно пытаясь отобрать у него последний привкус сладкого молока.

Поцелуи часто создают иллюзию близости душ, когда границы стираются. Ли Цзяньчуань крепко сжимал затылок Нин Чжуна, полностью отдаваясь инстинктивному, грубоватому порыву. Но Нин Чжунь, казалось, вовсе не был против — напротив, он наслаждался этой

властной лаской.

Это длилось долго. Только когда сознание Нин Чжуня начало туманиться от нехватки воздуха, Ли отстранился. Он поправил его сбившийся воротник и прохрипел:

— Оденься нормально.

Нин Чжунь открыл глаза, на его губах заиграла ехидная усмешка:

— Что, проснулся святой Лю Сяжуэй?

Прежняя ледяная отстраненность окончательно покинула его взгляд. Глаза Нин Чжуня влажно блестели, наполненные двусмысленным, порочным очарованием, способным лишить воли любого. Ли Цзяньчуань заставил себя отвернуться и медленно выдохнул. Он подхватил Нин Чжуня на руки и уложил под одеяло.

Постель пахла дешевым стиральным порошком, но Ли накрыл ее сверху купленным по дороге пледом — грубым, зато плотным и теплым.

— Ли Сяжуэй, — буркнул он, укладывая Нин Чжуня поудобнее, и достал сигарету.

Нин Чжунь прижался щекой к подушке и тихо произнес:

— В прикроватной тумбочке всё есть, правда, качество наверняка паршивое. Если повернуть налево за углом, в ста метрах отсюда есть круглосуточный автомат...

Ли Цзяньчуань с силой затянулся дымом.

— Ты ведь хочешь меня, — констатировал Нин Чжунь.

Ли бросил на него короткий взгляд. Темные волосы доктора были в беспорядке, кожа казалась ослепительно белой на фоне покрасневших век. Ли Цзяньчуань понимал: с тех пор как он осознал свою тягу к этому человеку, Нин Чжунь словно только и делал, что искушал его. Каждый жест — поворот головы, изгиб губ, прядь волос, упавшая на кончик носа, — бил точно в цель. От этого было невозможно скрыться. И, что хуже всего, Ли Цзяньчуань не просто принимал это, он жаждал большего.

Но он не хотел, чтобы его чувства ограничивались одной лишь похотью.

Взгляд его потемнел. Ли Цзяньчуань затушил окурок и выключил свет:

— Спи.

Он притянул Нин Чжуня к себе, согревая его ладонями. Ли не смыкал глаз всю ночь, нервное напряжение и физическая усталость давали о себе знать. Едва коснувшись подушки, он провалился в сонное марево. Тем не менее, он продолжал чутко прислушиваться к окружающему миру, поэтому уловил тихий шепот Нин Чжуня:

— Ты собрался в Китай. Не боишься связываться со своими?

Ли Цзяньчуань слегка приоткрыл глаза:

— В управлении есть предатель. Я не знаю имени, есть лишь пара догадок. Пока лучше затаиться. Добраться домой без поддержки будет непросто, но так безопаснее. Мы уедем сегодня же. Моих навыков и старых связей хватит, чтобы сделать нам чистые документы.

— Угу... — Нин Чжунь уткнулся лицом в его шею.

В таких делах опыт Ли Цзяньчуаня был неоспорим. Ли крепче обнял его.

В сумраке комнаты лишь сквозь щели в шторах пробивался призрачный свет, едва разгоняя затхлый запах старого мотеля. Ли Цзяньчуань тихо проговорил:

— Что бы ты ни задумал — не смей исчезать. Если тебя поймают и вернут в лабораторию, спасать будет некому.

В его голосе звучало суровое предупреждение; он демонстративно сжал затылок Нин Чжуня. Тот в ответ лишь слегка прикусил его подбородок и закрыл глаза, пропустив угрозу мимо ушей. Для него эти слова значили не больше, чем заверения Ли в том, что он — «нормальный мужик».

День пролетел незаметно. В семь вечера Ли Цзяньчуань умылся и принес ужин. Поев, они сдали номер и под покровом густой ночной тьмы покинули городок на старом мотоцикле.

На следующий день, в международном аэропорту Лос-Анджелеса, двое мужчин с измененными чертами лица беспрепятственно прошли таможеню. Под видом обычных туристов Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь поднялись на борт самолета, летевшего прямым рейсом в столицу Китая.

Спустя три часа после их вылета вся информация о рейсах из Лос-Анджелеса потоком хлынула на мониторы в недрах лаборатории «God». Секунду спустя один из экранов разлетелся вдребезги.

— Вернуть его... Немедленно!

<http://bllate.org/book/15871/1499403>